

ГЕНИЙ ОФОРТА

Демьян Михайлович Утенков — выдающийся русский график XX столетия, талантливый фотохудожник, неутомимый путешественник по Восточной Сибири и Южной Якутии, участник художественных выставок в Бостоне, Чикаго, Нью-Йорке, Базеле. Работы находятся в собрании ГТГ, ГМИИ им. А.С. Пушкина, Метрополитен-музея, в Коллекции Гилбертов (США) и Национальной библиотеке Нью-Йорка, в Музее нового искусства Кёльна, в собрании президента Финляндии Мауно Койвисто.

Вскипал по углам, густел вдоль стен очередной вернисаж в подвалах Горкома графиков на Малой Грузинской, но я надолго застрял где-то посередине. Крупные гравюры на стали намертво приковали взгляд. Единством линии и смысла, поэтичностью образов, мастерством в мельчайших деталях: «Новодевичий монастырь», «Иероним Босх ван Акен», «Трава забвения». На последнем офорте было выгравировано под нижней рамкой: «Sed fugit interea, fugit irreparabile tempus...».

— Но между тем бежит, бежит невозвратное время... — латинские слова медленно закружили голову.

Гипнотическая красота уносила в великие свободные пространства — природы, мировой культуры. Я разглядывал неизобразимое и не верил глазам. Каким чудом на бумажных листах оставили отпечатки таёжная опушка, морская волна, истлевшее дерево, снегопад, взгляд летящей птицы? Достичь в наше время безупречности мастеров Возрождения, рисунков Дюрера и Рембрандта, изящества старинной японской гравюры! Автор жил в Москве. Немыслимо...

Утенков задумчиво бродил в соседних залах. Нас познакомили. Исхудалое древнерусское лицо, твёрдый взгляд мастерового, усмешка в бородку, речь с шепелявинкой, одетый под пиджак свитер геолога. Я не хотел начинать с похвал и восторгов, но не удержался:

— Ваши гравюры сделаны навсегда. Их невозможно забыть.

Художник промолчал, опустив глаза.

— Как же вы работаете? Одного офорта, наверное, на год хватает, если не больше.

— По несколько месяцев на каждый лист уходит, — кивнул Утенков и вновь посмотрел мимо меня, на свои гравюры. — Но спешить-то некуда.

— Да уж, одноразового искусства сейчас полно...

[Введите текст]

Разговор не клеился, тонул в подвальном гуле, но завершился неожиданным признанием:

— Меня московская суeta донимает. Хорошо, что я на окраине живу. Гуляю там по пустырям, а в центре задыхаюсь, — Утенков опять потерял бородку. — Если не увижу за день чего-нибудь живого, хоть дерево засохшее, траву некошенную, какую-

нибудь птицу — заболеваю. Не могу работать. В общем, если хотите понять, что я за художник, приезжайте ко мне в Беляево.

<https://galereya313.ru/data/big/utenkov.jpg>

Иероним Босх ван Акен, 1975, цв. офорт.

Через несколько дней, оказавшись у дверей квартиры в обычной брежневской новостройке, я всё ещё не представлял, куда попаду и как мне повезло. Утенков жил замкнуто и, как я потом узнал, к себе почти никого приглашал. Столичная жизнь ему явно мешала,

а семейная помогала, превращалась в подобие жизни природной, старинной, не ведающей телевизора и радио. Комнаты заросли домашними цветами, в клетках на полу шуршали хомяки, по комнатам бегала собака и ластилась к людям. На подоконнике сидел кот и равнодушно следил сквозь стекло... за аквариумными рыбками. В тесной кухоньке верещали канарейки, цеплялись коготками то за проволочные стенки, то за крохотную перевёрнутую виселицу внутри их зарешеченного мирка. Жена с тихими глазами и сомкнутыми губами ничему не мешала, казалась староверкой, хотя и без платка. Рядом жил своей жизнью едва заметный ребёнок. Все понимали друг друга без слов. В этой сторожке с бетонными стенами, на обочине бешеного города время текло с остановками, словно на сельской околице.

У окна соседней комнаты помещался рабочий стол двойного размера, на стеллаже вдоль стены лежали стопки гравюр и листы толстой бумаги, в углу виднелся пресс для офортов. Чёрное колесо вздымалось подобно корабельному штурвалу. У оттисков менялись яркость рисунка и цвет фона.

— Цветными гравюрами ты не занимаешься?

— Нет. Только подсветку иногда ишу. Пробую варианты. Многие детали переделывать приходится, кое-что дотравливать.

О себе Утенков рассказывал небрежно, будто через силу, подолгу отводя глаза в сторону. Родился в Москве, окончил Театрально-художественное училище, курсы телевизионных художников-постановщиков. Офортом увлекся неожиданно, когда увидел гравюры Дюрера. Очень многое взял от пейзажей Альтдорфера, от фантастики Брейгеля и Босха.

<https://storage07.litfund.ru/images/lots/473/473-148-D7188-7-Y2240466.jpg>

Трава забвения

— ...Но затем стал искать дальше, — постепенно оживлялся Демьян. — Открыл для себя древнерусскую графику. Разыскивал и перерисовывал «буквицы» рукописные, старинные «графьи», иконные «прориси», старообрядческие книжные заставки. Целая папка копий собралась за несколько лет.

— То есть, теперь тебя русская старина влечёт?

— Не только, — он беззубо пожевал губами. — Я многим увлекаюсь. Арабской каллиграфией, восточными плетёнками, «звериным стилем» — от скифов до ирландцев, японскими свитками, китайскими... В древности, в Средневековье, на Востоке всё было связано. Если хочешь что-то по-настоящему понять, нужно брать всё, что находится рядом. Так мастера во всех странах работали. И всё им шло на пользу.

Пути — дороги (Затмение), 1982, цв. офорт (из серии «Моя Сибирь»)*

Кажется, мы пили чай с травами. Рядом на кухне едва слышно цвиркали канарейки, шлёпал по квартире пёс, жена и дочь тихо переговаривались в соседних комнатах.

— И как тебе удаётся всё соединить? Средневековье, Запад, Восток, Россию?

— Читаю, смотрю, думаю... — он поправил прямые русые волосы и показался медлительным обрусевшим немцем. — Как-то само собой получается.

— Получается замечательно. Каждый раз схвачено главное: «Иероним Босх», «Лирика Хафиза», сибирская тайга, русские храмы. Я лучших офортов, чем твои, ещё не видел, — усмехнулся, — только в музеях.

— Ну да... — Утенков продолжил словно о другом человеке: — Недавно вот получил премию Ассоциации американских графиков. Первым из советских художников, кстати. Несколько офортов купил Метрополитен музей. Буклет издали в Нью-Йорке, — он протянул красивую тонкую книжицу.

https://artinvestment.ru/images/authors/211260=211270/6016250_big.jpg

К лирике Хафиза

— О-о! Поздравляю! А у нас о тебе что пишут? — спросил, перелистывая изящные страницы. — Выставка персональная была? Каталог, наверное, есть.

— Нет, ни выставки, ни каталога.

Я удивлённо вскинул брови:

— Не может быть! Ты же член Союза. И на Западе тебя так ценят. А здесь о тебе ничего нет?

— Есть небольшие публикации... Да, ладно. Хорошо хоть, что там признали. Мне бы мастерскую получить, а больше ничего не нужно. Работать трудно. Чтобы офорты травить, надо куда-то ездить, к кому-то проситься.

— Странно. Столько всяких ничтожеств выставляют, без конца о них пишут, издают.

— Ну, это люди особые, пробивные. Не в партию же мне вступать, как они, — Демьян грустно хмыкнул. — Я уж привык незаметно жить. Работаю потихоньку, карьеры не делаю... Если откровенно, и рисовать-то не особо люблю. Люблю смотреть вокруг и думать. Путешествовать, фотографировать. Читать люблю. А рисую? Рисую

без конца, сколько себя помню. Я ещё о чём-то думаю, а рука уже рисует...

Было трудно поверить в рассказы Демьяна о многонедельных путешествиях с рюкзаком, палаткой, фотоаппаратом и спиннингом, а то и ружьём. Чаще всего с геологами и геодезистами, иногда в одиночку. Якутия, Эвенкия. Байкал. Будто бы его творчество подчинялось не земному календарю, а небесно-земным ритмам, и в жизни чередовались морские приливы и отливы. В летние месяцы — странствия по тайге, с осени до весны — жизнь в городе.

— В тайге я оживаю, на целый год сил набираюсь. Такая красота там! Заповедная. Иначе бы я в Москве жить не смог. И, тем более, рисовать.

Передо мною сидел и показывал слайды — следы таёжных странствий — вдруг оживший землепроходец семнадцатого века, хитроумный бродячий изограф,

старообрядческий книжник. На московских окраинах среди руин он выискивал осколки древней жизни, в природе открывал нетронутое. Чтобы незрячие увидели его глазами неопиcуемый, давно потерянный мир.

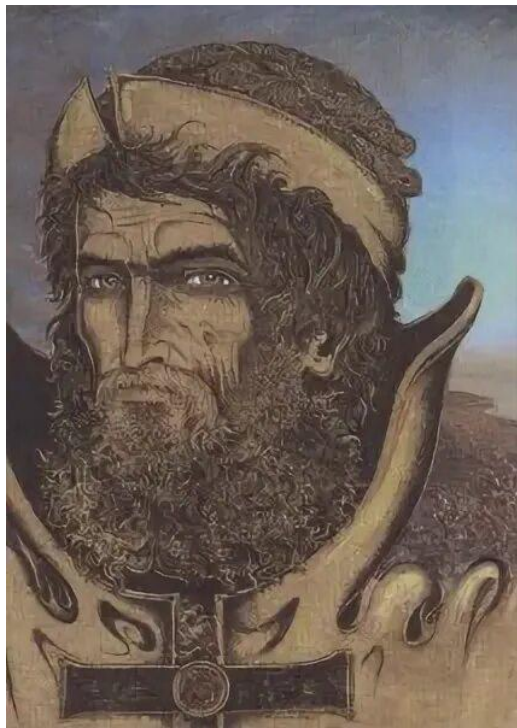
Утенков — лучший офортис т своего времени, был предельно далёк от МОСХа. Он с трудом помещался в Москве. И в двадцатом веке. От него я впервые услышал о едва известном тогда Фёдоре Конюхове, о неистовом православном экологе Шипунове, о борьбе академика Александра Яншина и его сторонников с безумным государством — протестах учёных и писателей против ядерных могильников, разбросанных по стране, против поворота сибирских рек, строительства новых плотин на Волге, вырубки лесов в Прибайкалье и Карелии.

Прозрачный, хрупкий рисунок и бледные, словно выцветшие краски напоминают старинную китайскую живопись, ладони старика, опавшие листья...

В прожилках и неуловимых штрихах застыли следы неведомой жизни — дерева или мастера? Здесь отступает великая, подвижная стихия слова, обнажая нечто неподвластное ей. Есть среди вещей и явлений окружающего мира зримые соответствия: ветка дерева сродни птичьему крылу, художественная мастерская подобна сторожке лесника, а заветная мысль возникает, словно далекая вершина на

[Введите текст]

горизонте. Эти ряды сравнений неизбежно рожают символы. Так деревья образуют лес, а дома — город. Художника не может оставить равнодушным ни орнаментальная проза травы, ни свободные ритмы (а может быть — рифмы?) речных берегов. Ведь в основе разных видов творчества лежат сходные законы образного мышления.

<https://avatars.mds.yandex.net/i?id=2a00000179eacea04b58d6fa6759d079265c-4120695-images-thumbs&n=13>

Первопроходец

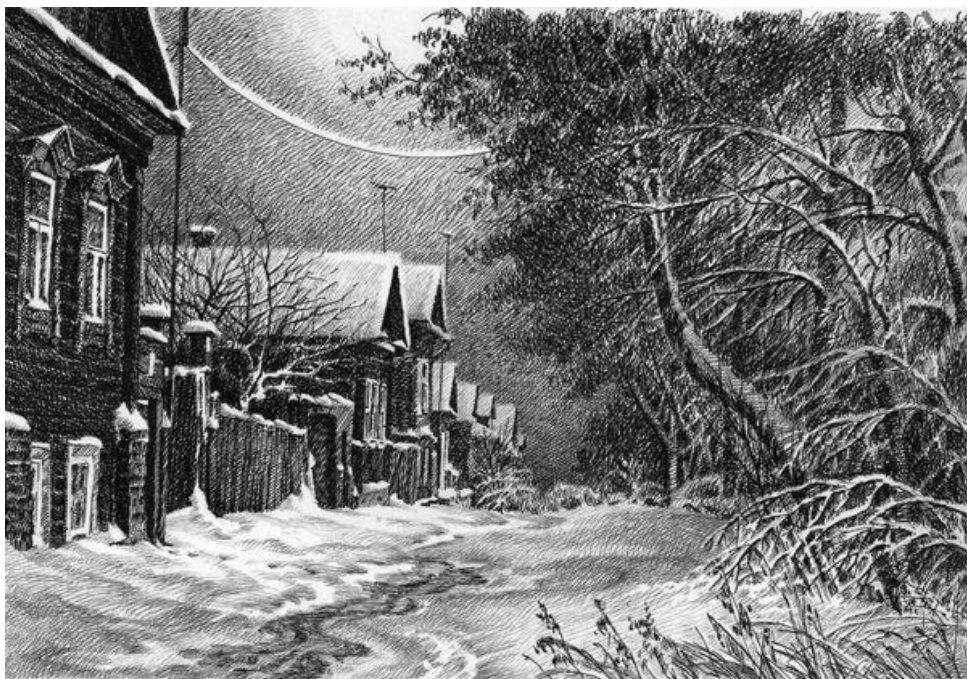
Утенков не доверяет непосредственному впечатлению от природы. Он не может объяснить, как его мысли, воспоминания, чувства воплощаются в ритмических, отточенных движениях руки и резца по стальной поверхности. Однажды он прямодушно признался: «Если быть откровенным, я не люблю рисовать. Я люблю смотреть вокруг и думать. А рисую? Рисую я без конца, сколько себя помню...» Вдумаемся в этот парадокс: работа над каждой гравюрой для художника состоит именно из этого «смотреть и думать» и незаметно рисовать свои мысли.

Он учится творчеству у стихийно творящей природы. На его гравюрах то проступает структура камней яшмы или агата, то отпечатывается, как на снегу, орнамент опавшей хвои или с гипнотической ясностью проявляется рисунок призрачного таежного редколесья. В гравюрах Утенкова настойчиво взаимодействуют два равновеликих начала: природа и культура. Их объединяет красота и жизненная необходимость в таком единстве тела и души мира, которое академик Д. Лихачев назвал «экологией культуры».

Демьян Утенков родился в Москве. С шестнадцати лет начал участвовать в выставках, окончил Московское театральное-художественное техническое училище по специальности художник-бутафор, затем курсы художников-постановщиков телевидения. И лишь в конце 1960-х годов неожиданно увлекся графикой,

[Введите текст]

познакомился с техникой офорта. Так начались годы упорнейшей самостоятельной работы, изучения наследия великих мастеров гравюры, в первую очередь, Германии и Голландии XVI века. Его покорило «вдохновенное ремесло» Дюрера, гротескная выразительность рисунка и глубокое ощущение пространства у Брейгеля, позднеготический пейзаж Альтдорфера и, в особенности, тонко разработанные пейзажные фоны Босха.

https://artists33.ru/upload/information_system_6/3/0/9/item_3092/item_image3084.jpg

Земля Владимирская

Впоследствии Утенков откроет для себя графику Древней Руси: эстетику рукописных «буквиц» и старопечатных книжных миниатюр, обнаружит в иконописных «прорисях» и фресковых «графьях» XVII века истоки столь ценимой им палехской школы.

Он увлекается многим: арабской каллиграфией и тератологической орнаментикой, романской архитектурой и дальневосточной средневековой живописью. Его не пугает такое богатство изобразительных форм. Кажется, даже и этого ему мало. И художник обращается к литературе — от Хафиза и Аввакума до Бодлера и По, вчитывается в прозу Достоевского, Лескова, Грина, создает иллюстрации к двум десяткам книг современных советских и зарубежных авторов. Его влекут древнерусские летописи и скандинавский эпос, но соприкосновения лишь с историей и культурой ему явно недостаточно. Утенков путешествует не только во времени. Каждый год он уезжает с геологами и геодезистами на восток страны, тысячи километров проходит по якутской тайге, проплывает по рекам Эвенкии. Его жизнь циклична. Летом — Байкал, Сахалин, север Сибири, затем Москва — музеи, выставки, библиотеки. И непрерывная работа над новыми сериями гравюр.

<https://artchive.ru/res/media/img/orig/work/c9f/642297.jpg>

Лось

За последние несколько лет персональные выставки художника состоялись в Костроме и нескольких американских городах. В 1979 году он был удостоен премии национальной ассоциации графиков США. Гравюры Утенкова приобретены Третьяковской галереей, Музеем изобразительных искусств имени Пушкина, Музеем современного искусства в Кёльне и музеем Метрополитен в Нью-Йорке. Его

[Введите текст]

произведения — в частных собраниях Англии, Франции, Японии, Канады, Финляндии...

На одной из выставок Демьян отозвал меня в сторону и протянул газетную вырезку:

— Читал? Настоящая повесть о настоящем человеке, об Агафье Лыковой. Она из беспоповцев. С малолетства в тайге живёт, а ей уже за семьдесят, наверное. Ни войн не знала, ни советской власти. Счастливая, — глаза художника застыли, будто взглядом он издали пытался разглядеть неведомую отшельницу.

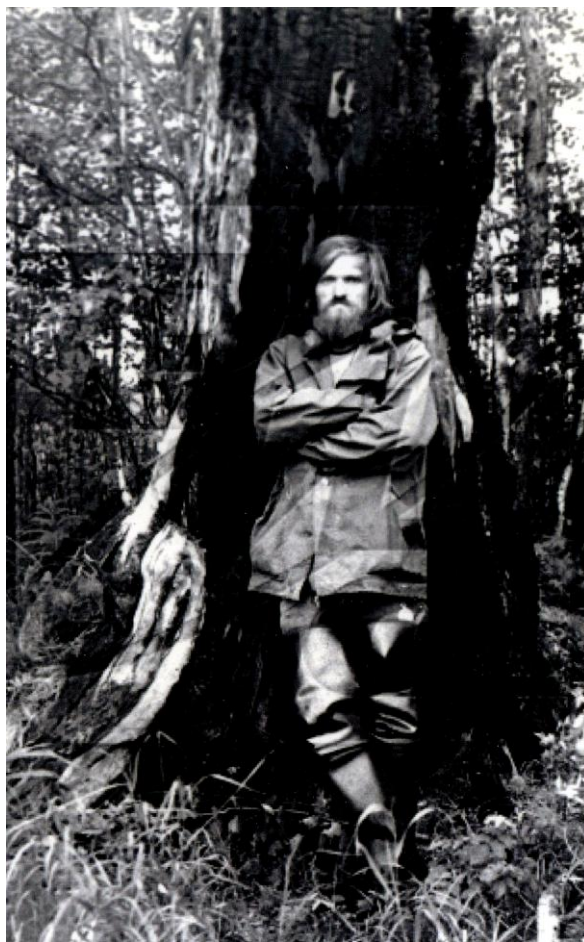

<http://nec.m-necropol.ru/utenkov-d2.jpg>

Филин

В 1990-е годы Утенков стал надолго исчезать из Москвы. Годами у меня не было о нём никаких вестей. Телефон отвечал длиннющими гудками, письма и открытки оставались без ответа. Кто-то из знакомых вроде бы видел Демьяна на каких-то незаметных московских выставках и вечерах, но отыскать его следы оказалось невозможно. Не раз приходило в голову, что он бросил Москву и навсегда поселился со всей семьёй в тайге, рядом со староверческой старицей Агафьей. Вдали от войн, властей, грохота городов и бессмысленной, беспамятной, отравленной жизни. Там, где оттиск за оттиском отпечатывается в душе искусство самой природы. И уже ничего не нужно рисовать.

[Введите текст]

https://blogger.googleusercontent.com/img/b/R29vZ2xl/AVvXsEhx-uRrWCJ0ib75rxLL82enWnRBGsSLLLqcNK9xoT7BIvbkLNz99MBqaVQLat-cw6xmkAyu5L_qz2lGtWDZI8Xfg_NWnzQsy99BqM0iPflJQ9Qe9jKp2G53ygwyKOcxIOLgNTXSN-MNN0wn/s1600/Utenkov.jpg

Демьян Утенков в Сибири. 1970-е годы

Демьян Утенков трагически погиб 7 июля 2014 года. Но, верится, в заповедной сибирской тайге, на родине его души, с ним бы ничего не случилось...

1987, 2018

Опубликовано: под названиями «Постигая суть символов» («Литературная учеба» 1987, июль-август, С. 88-91), «Метафизики с Малой Грузинской» («Неподвижное странствие», М.: Викмо-М, 2018, С. 180-185).